

Узнав, что Чжоу Янь собирается приехать, Лян Жуйси не на шутку перепугался. Наспех заглотив остатки хлеба, он судорожно принялся листать плейлист в телефоне, выискивая песню, которая подошла бы для такого случая.

Цзян Шэн, вернувшись из-за барной стойки после смешивания очередного коктейля, застал его уткнувшимся в экран.

— Тут ко мне приятель сейчас заглянет, — не поднимая головы, бросил Жуйси. — Сделай ему что-нибудь из своего коронного. И деньги не бери!

— Приятель? — Цзян Шэн на мгновение завис. — А, Чжоу Янь? Ты бы уже называл его по имени, а то всё «мой однокашник» да «мой сокурсник». Будто тут у тебя проходной двор из однокашников.

Он принялся оглядывать полки в поисках нужного инвентаря.

— У него настроение, похоже, совсем паршивое, — снова напутствовал Жуйси. — Ты же сам вчера слышал: девушка, с которой он встречался сто лет, замуж за другого выходит. Смотри только, не вздумай подсунуть ему что-нибудь вроде «Настроения после расставания» или «Моста Ватерлоо». Намешай чего-нибудь повеселее, с претензией на праздник.

— И что я ему, по-твоему, должен подать? «Сегодня не вернусь домой»?

—... Ну уж нет, у него цвет синий, тоже тоску нагоняет.

— В общем, дам ему барную карту, пусть сам выбирает. У меня на этой стойке промахов не бывает.

— Ладно, — согласился Жуйси. Посмотрев на часы, он понял, что пора выходить на сцену. Уже сделав шаг, он вдруг вспомнил кое-что и обернулся к Цзян Шэну: — Кстати, того полкуса хлеба... я съел.

Цзян Шэн только рот разинул:

— Твою же...

\*\*\*

В девять десять вечера, когда Чжоу Янь выезжал с подземной парковки здания Шиян, снова припустил дождь.

Мелкая, неосязаемая водяная взвесь за считанные мгновения заволокла лобовое стекло белёсой пеленой. Чжоу Янь перевёл стеклоочистители на самый редкий шаг и, включив навигатор, направился по адресу, который скинул Лян Жуйси.

Заведение располагалось аккурат на стыке парка Линьшань и Второй больницы Линчжоу. Ехать туда было ближе, чем глубокой ночью из клиники, однако в этот час центр города всё ещё стоял в пробках. На дорогу ушло почти двадцать минут.

Парковку поблизости найти не удалось, поэтому Чжоу Янь ещё минут десять кружил по кварталу, пока не приткнулся на платной стоянке. К вывеске «Ожидаемость» он подошёл уже ближе к десяти часам, прошагав остаток пути пешком под морозящим дождём.

Пять тонких, скруглённых иероглифов мягко светились в темноте. Сквозь водяную завесу они казались вспышкой фейерверка, застывшей за мгновение до того, как истаяли последние искры.

Термин из уголовного права, истинный глубокий смысл которого был понятен лишь юристам, в этой обстановке выглядел до странности романтично.

Едва Чжоу Янь приблизился к входу, до него донеслась знакомая мелодия. Сердце подскочило. Влажная ладонь легла на деревянную дверь с табличкой «Открыто». Он толкнул её — с усилием, будто отпирал камеру, в которой его чувства и воспоминания были заперты два года и шестьдесят четыре дня.

«... А что, если ты вдруг возникнешь передо мной у кофейни на углу улицы? Я встречу тебя улыбкой, мы обменяемся парой обычных фраз...»

Голос накрыл его раньше, чем он успел оглядеться.

Чжоу Янь поднял взгляд на сцену. Лян Жуйси тоже смотрел на него — так, словно ждал этого момента весь вечер. Доли секунды назад его лицо выражало тревожное ожидание, но едва их взгляды пересеклись, брови Жуйси разгладились, а губы тронула открытая, светлая улыбка.

Чжоу Янь окинул взглядом зал, отыскал неприметный столик в глубине и сел. Вскоре к нему подошёл Цзян Шэн.

— Ого, ты чего так поздно? — склонился он к уху Чжоу Яня. — Брат Жуй ещё в восемь сказал, что ты приедешь. Весь вечер тут любовными балладами заливается, ждёт тебя!

— Вот как?..

Цзян Шэн с досадой взглянул на сцену:

— Правда, он обычно до десяти поёт, не дольше. Похоже, это уже финальная.

Чжоу Янь слегка кивнул:

— Да. Давненько не виделись.

Цзян Шэн озадаченно почесал затылок:

— Да мы же вроде только вчера вечером пересекались?

Чжоу Янь едва заметно улыбнулся:

— Я про песню. Исон Чань, «Давненько не виделись».

— А-а... — Цзян Шэн поспешно протянул ему меню. — Выбирай, что будешь пить. Закуски тоже есть.

— Я за рулём, мне нельзя алкоголь. Обычной воды хватит, — ответил Чжоу Янь.

— Ну уж нет, так не пойдёт, — Цзян Шэн перелистнул пару страниц. — В конце есть безалкогольные коктейли, девчонки такие любят. Выбери себе что-нибудь.

Чжоу Янь скользнул взглядом по названиям. Одно из них — «Сезон хлебных дождей» — как нельзя лучше перекликалось с погодой за окном.

— Вот этот, пожалуй.

— Заметано! — Цзян Шэн подхватил карту и направился к стойке.

Песня подходила к концу. На словах «даvnенько не виделись» Лян Жуйси с лёгкой полуулыбкой смотрел прямо на Чжоу Яня — казалось, он и вправду адресовал эти слова именно ему. Чжоу Янь невольно улыбнулся в ответ, чувствуя, как внутри разливается умиротворяющее тепло.

Музыка затихла. Сидевшие неподалёку девушки разочарованно вздохнули, жалуясь, что «на сегодня сказка окончена». Однако Лян Жуйси не спешил покидать сцену. Сжав микрофон, он слегка откашлялся и, опустив глаза, произнёс:

— Спасибо всем огромное за поддержку! Вообще-то, это должна была быть последняя песня... Но только что к нам присоединился мой старый друг. На выступление он не успел, так что я хочу спеть ещё кое-что — специально для него.

Зал ответил одобрительным гулом. Многие стали оглядываться по сторонам, пытаясь вычислить того самого «важного гостя», благодаря которому они получили приятный бонус.

Зазвучал проигрыш. Лян Жуйси вскинул взор. В свете софитов его длинные ресницы казались двумя тёмными веерами, а в звёздных глазах, устремлённых прямо на Чжоу Яня, вспыхнул откровенный, почти электрический разряд.

Девчонки за соседним столиком смущённо всплеснули руками:

— Боже, он что, смотрит в нашу сторону?!

Когда вступление закончилось, Лян Жуйси снова прикрыл глаза и мягко, вкрадчиво вошёл в ритм:

«Плачешь в толпе, мечтаешь стать невидимкой... Ты зарёкся мечтать, зарёкся чувствовать боль, зарёкся любить. Ты всё для себя решил... Всё решил...»

Чжоу Янь вздрогнул. Голос Жуйси увлёк его мысли далеко в прошлое.

Два года и четыре месяца назад он уволился с должности секретаря в Народном суде средней ступени города Наньши и вернулся в Хайчэн. Устроившись в бюро «Иньтянь», он первым делом набрал номер Лян Жуйси, чтобы позвать его поужинать и лично поделиться планами на жизнь.

Однако Жуйси по телефону звучал необычно подавленно. На предложение встретиться он находил тысячу отговорок, что сразу насторожило Чжоу Яня.

Лишь неделю спустя, случайно разговорившись с одной из сокурсниц, работавшей в той же компании, Чжоу Янь узнал правду: у Лян Жуйси от обширного кровоизлияния в мозг умер дедушка. Жуйси взял полмесяца отпуска за свой счёт и уехал в родной город устраивать похороны.

Чжоу Янь знал, насколько Жуйси был привязан к деду. Но в такой тяжёлый жизненный момент тот предпочёл ничего ему не говорить.

Встретились они только после Нового года — пятнадцатого февраля, на следующий день после Дня святого Валентина.

Зашли в небольшое уютное кафе, сели у окна, заказали порцию картофеля фри, говядину и два горячих кофе.

Сперва поговорили о делах Чжоу Яня в «Иньтянь». Жуйси искренне поздравил его, хотя в его тоне проскальзывала едва уловимая тоска.

— В сентябре будет квалификационный экзамен, — поддержал его Чжоу Янь. — Попробуй ещё раз. Я буду ждать тебя в «Иньтянь».

Лян Жуйси опустил взгляд и тихо произнёс:

— Нет. Больше не буду.

— Совсем? — переспросил Чжоу Янь.

— Угу. Говорят, начинающие юристы годами копейки получают, пока на ноги встанут. Ну его, — голос его звучал ровно, взвешенно, будто это решение далось ему не за один день. — На текущей работе плата нормальная. Я ведь всего полгода проработал, а когда дедушка умер, кадровичка мне без вопросов двадцать дней отгулов оформила. В любой другой фирме уже давно бы указали на дверь... — Говоря это, он улыбался, глаза его прищурились, образуя знакомые полумесяцы. — Наверное, пожалели из-за того, что я красивый.

Чжоу Янь не выдержал:

— Если тебе нужна помощь, я могу...

— Не надо, Чжоу Янь, — мягко, но решительно отрезал Жуйси, даже не дослушав, чем тот может помочь. — Я всё решил. С юриспруденцией кончено.

Так же, как он поёт сейчас на сцене: «Ты всё для себя решил...»

«Терпишь молча, сжимая вчерашний день в кулаке... Но чем слаще воспоминания, тем больнее они ранят, оставляя на ладонях глубокие шрамы...»

Мысли Чжоу Яня унеслись ещё дальше — на первый курс университета. Он вспомнил, как однажды Жуйси перед всей аудиторией победно вскинул палец к небу и во всеуслышание заявил:

«Я стану самым красивым адвокатом в Китае! Я сделаю так, чтобы ни один преступник не ушёл от ответа! Я заставлю свет правосудия озарить эту землю, и моё имя навсегда войдёт в историю!»

Он бросался столь громкими фразами с такой детской дерзостью... Но в восемнадцать лет это не казалось фальшью или глупостью — напротив, от этой горячности замирало сердце.

Возможно, всё дело было в его невероятном обаянии.

Смешной контраст этому пламенному манифесту придавал брелок-шаттл для бадминтона, который Жуйси с азартом крутил на указательном пальце. Серебристая штучковина описывала круги, подчёркивая изящество его длинных пальцев, но сам он в этот момент выглядел до невозможности наивным.

Ребята тогда дружно подняли его на смех, никто не принял его слова всерьёз.

Вспоминая ту сцену, Чжоу Янь всегда невольно улыбался. Ему отчаянно хотелось сохранить, уберечь эту чистую, светлую вспышку.

Ему хотелось и дальше видеть именно такого Лян Жуйси — сияющего в центре внимания, не стыдящегося своих дерзких мечт и способного подняться после любого падения.

А не того, кто теперь ютится на подмостках небольшого бара, исполняя печальные песни о несбывшемся — бесконечно далёкий от собственных юношеских клятв.

«Ты не счастлив по-настоящему, твоя улыбка — лишь маска, под которой ты прячешься... Ты решил больше не ненавидеть и больше не любить, заперев дух в тёмной клетке...»

Чжоу Янь помнил: пятнадцатого февраля, в день их встречи, шёл проливной дождь.

Он пришёл первым и минут через десять увидел сквозь стеклянную дверь Жуйси в серовато-белом пуховике. Тот сложил зонт и по-звериному отряхнулся от застрявших в ткани дождевых капель, прежде чем зайти.

Пока все за праздники набирали вес, у него заострился подбородок, а лицо казалось потухшим, словно бытовые невзгоды выпили из него всю жизнь. При росте под метр восемьдесят, заворачиваясь в свой пуховик, он выглядел совсем хрупким. Его всегда дерзкие, летящие к вискам брови теперь печально опустились.

Чжоу Яню хотелось навсегда запечатлеть тот образ в памяти, но время берёт своё — тот силуэт постепенно размывался, уступая место живому, яркому образу парня на сцене.

«Ты не счастлив по-настоящему, а твои раны так и не зажили... Я стою по левую руку от тебя, но между нами — целая галактика. Неужели мы так и проживём всю жизнь, обнимая свои сожаления?..»

За столом Чжоу Янь непрерывно смотрел на него — смотрел до тех пор, пока Жуйси не пришлось поднять глаза. Но их контакт длился лишь мгновение: Жуйси тут же отвёл взгляд.

В том единственном взгляде проскользнуло слишком многое. И Чжоу Янь окончательно понял, почему тот не захотел просить его о помощи.

Горячий порыв Чжоу Яня мгновенно сковало льдом. Он не посмел выдать себя ни единым словом.

Получив отказ, он лишь коротко кивнул и произнёс сухим, сдержанным тоном:

— Что ж, дело твоё.

От начала и до конца Жуйси так и не обмолвился о смерти бабушки. Чжоу Янь не стал расспрашивать. И, в отличие от выпускного вечера, он больше не сказал: «Если что-то понадобится — обращай в любое время».

И всё же прямо сейчас Лян Жуйси снова то и дело бросал на него взгляды. Его глаза, пронёсшие сквозь годы боль и горечь, всё ещё лучились удивительным, нескрываемым теплом. В них читалась такая искренность, что Чжоу Янь поневоле усомнился: а что, если два года назад он ошибся? Что, если он всё понял неправильно?

А со сцены звучало:

«Ты заслуживаешь настоящего счастья, тебе пора сбросить эту маску... Почему после всех потерь ты всё ещё наказываешь себя? Пусть вся эта боль останется в прошлом, начни жить заново...»

В финале песни шла тихая, речитативная строчка:

«Я знаю о твоей боли, я всё понимаю... Я хочу, чтобы ты был счастлив. Я просто хочу, чтобы ты был счастлив...»

В заведении едва ли набралось бы три десятка человек, но под конец весь зал вместе с Лян Жуйси тихо напевал эти слова. Казалось, сотня незнакомцев единым хором выражает Чжоу Яню свои сокровенные пожелания.

Вот только сам Чжоу Янь думал лишь об одном: «Ведь эту фразу... я должен был сказать тебе».

\*\*\*

Когда Лян Жуйси сошёл со сцены, в баре всё ещё витала тёплая, душевная атмосфера после общего пения.

Цзян Шэн тут же подскочил к нему с сияющим видом:

— Брат, ну ты даёшь! Ты Чжоу Яня прямо до слёз довёл!

— Чего? Да ну, серьёзно? — Жуйси с воодушевлением глянул в сторону Чжоу Яня, но увидел всё то же непроницаемое выражение лица. — Да не, ты гонишь. Где он там плачет?

— С такого расстояния не разглядишь! Я когда ему напиток относил, сам видел — у него глаза красные были! Я с ним заговорил, а он даже не ответил, весь в песню ушёл!

— Хех, знай наших! У человека расставание, ему такие песни — самое то, — Жуйси сделал глоток воды, прочищая горло, и уже собрался направиться к столу Чжоу Яня, как вдруг спохватился: — Постой, а ты какой ему напиток сделал?

— Он сказал, что за рулём и пить не будет, вот я и сделал ему «Сезон хлебных дождей», — ответил Цзян Шэн.

Жуйси обомлел:

— Зелёный, что ли?

— Ну да, светло-зелёный.

— Твою мать! — Жуйси вцепился в воротник Цзян Шэна и рявкнул: — От него только что баба ушла, а ты ему зелень суёшь?!

Цзян Шэн от неожиданности чуть не поперхнулся:

— Так он сам его выбрал, я-то при чём?!

— А ты, блядь, не мог ему другой цвет предложить?! — Жуйси готов был сгореть от досады и с силой стукнул приятеля по плечу. — Конечно, он чуть не разрыдался!

<http://bllate.org/book/20461/2118752>